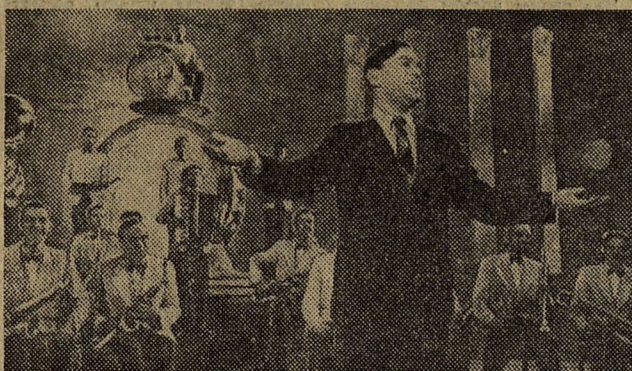

В СПОР ВСТУПАЕТ УТЕСОВ

ВОИНСКИЙ эшелон идет на Запад, к границе. Влажная дымка окутывает ульгивающие поля, пустынные проселочные дороги. Серо, неприятно, но вдруг мелькнет приглушенный туманом багрянец перелеска, а то в сцеплении дождевых капель возникнет сияние радуги, и опять над полями, деревьями, дорогами — мутная пелена...

Поезд набирает скорость, встречный ветер с дождем бьет в лицо, а мы увлеченно поем: «Парень кудрявый, статный и бравый...»

Мы — это призывники образца 1939 года, вчерашние десятиклассники и вчерашние первокурсники московских вузов. Мы поем громко и нестройно, стараясь перекрыть грохот идущего на всех парах эшелона, и плохо слышим друг друга. Но каждый из нас слышит эту песню по-своему, другим, внутренним слухом, потому что судьба этого «кудрявого парня» (хотя мы были и остриганы), идущего «в армию служить», была судьбою каждого из нас: и, так же как и он, вместе с заветом «беречь родные края» мы увозили с собой образ «гордой любви» или, может быть, ее предчувствие, мечту о ней...

А судьба этого «статного и бравого парня» из песни стала нашей судьбой, потому что песню спел Леонид Утесов.

Это он приблизил ее к нам, ко всем и каждому в отдельности, и наполнил живым чувством, и усложнил, обогатил ее интонацию, согрел теплотой своего голоса.

В биографии нашего поколения было много дальних дорог; и кто из тех, для кого предвоенные годы были последними классами школы, или началом самостоятельной работы, или первыми курсами институтов, не вспомнит встречу, прощание, а то и день, подаренный войной, связанные, иногда не прямо, ассоциативно, но все-таки связанные с песней Утесова? У нас были свои герои и свои кумиры в поэзии, чьи стихи звучали, как откровение, но рядом, вместе существовала и популярная песня. Она как будто и не открывала ничего нового, но обладала удивительным даром объединять, вызывать ответное чувство. А вместе с песней гражданского звучания жила и легко запоминающаяся мелодия для танцев, шутки, веселья.

Словом, рядом с большой поэзией, питаюсь ее живительными соками, пересекаясь с ней, а то уходя от нее, жила самая разнообразная популярная песня. И жил вместе с этой песней Утесов, шутил, смеялся, грустил, утверждая всем своим творчеством то, что всем было дорого. Иногда сентиментальный и все-таки подчиняющий своему настроению, чаще всего настоящего взволнованного, а в годы войны гневный и колючий, насмешливый и печальный, радостный и ликующий, Утесов тем не менее всегда оставался самим собой — искренним и правдивым — и в печали, и в радости, и в гневе.

Теперь, когда фирма «Мелодия» выпустила утесовский альбом, это, вероятно, могут сказать и те, кто не слышал Утесова раньше. Но, думается, главное все-таки не в тех или иных оценках, которые вынесут артисту новые поколения. Приобщаясь к творчеству Утесова, слушатели смогут почувствовать и то время, когда создавались и пелись эти песни. И, может быть, молодые люди семидесятых годов как бы заново услышат «Наховку» и «Прощальную комсомольскую» и ощутят романтическую стихию искусства тридцатых годов, поднимающую к своим высотам не только живые образы прошлого — революции, гражданской войны, но и многие для той поры современные, даже «злбодневные» темы.

Рождение городов в тайге, далекие стройки, освоение Арктики, прорыв в

стратосферу — все это означало бурное социалистическое преобразование страны. А вместе с тем ощущалось приближение военных грозных лет — в Европе пожар уже занялся и отсветы его виделись на горизонте. Усиленными темпами строилась Красная Армия, советский народ готовился к отпору агрессору. В жизнь вошли походы и разлуки, страна следила за своими рубежами — дальними гарнизонами и пограничными заставами, где «часовые Родины стоят». В пестром многообразии сюжетов и образов, возникающих на этой почве, Утесов безошибочно находит то, что в наибольшей мере соответствует его лирическому дарованию, что легко и естественно интерпретируется в романтическом ключе, столь близком артисту.

Любовь и дальние дороги: «Штурмовать далеко море посылает нас страна», — говорит полярник, расставаясь с любимой... Подчиняясь долгу и военной необходимости, расстаются боевые друзья, навсегда связанные жизнью и смертью: «Ты мне надоед», — заявил один. «И ты мне», — сказал другой». Как богата здесь интонация певпаповестователя, умеющего показать, что скрыто за ироничностью и внешней сдержанностью его героев! Романтически звучащие «То не тучи — грозные облака...», «Казачья-кавалерийская» и почти одновременно с ними шуточно-лирическая «Песня старого извозчика» — своеобразный отклик на такое событие, как пуск первой линии метро. Песня эта в исполнении Утесова вобрала в себя очень много чисто «московского» — словечек и интонаций, живых характерных черточек быстро меняющегося городского быта той поры. В сознании москвичей песня крепко связалась с довоенной Москвой, и потом, в годы войны, многие москвичи, шагавшие по фронтовым дорогам, невзначай услышав эту песню, вспоминали и «Соколыники», и «Парк культуры», вечера и рассветы на московских улицах... Улыбка Утесова, его юмор, теплота его голоса органически слились с этой песней. Кстати сказать, во время войны в одном из штурмовых авиационных полков, где среди летчиков было немало москвичей, песня эта служила радиомажором: возвращаясь с боевого задания, летчики летели «домой», на свой аэродром, ведомые голосом Утесова...

Три долгоиграющие пластинки, включающие около пятидесяти песен, записанных Утесовым в тридцатые и сороковые годы, — хороший повод для размышлений и хороший предметный урок для артистической молодежи. Слушая утесовские песни разных лет, можно в полную меру ощутить его постоянное стремление выразить «общее», но по-своему, «по-утесовски». Иначе говоря, художник ищет себя в других и других в себе... Мы видим, в каких направлениях идут поиски, как разнообразен этот круг: боевая песня, лирическая, шуточная, ироническое переосмысление известной мелодии и известных слов, а при этом — все большее тяготение к песне, возникшей на народной первооснове, к песне сюжетной, значительного гражданского содержания, к балладным формам. Именно на этом пути этапными для артиста стали встречи с подлинной поэзией: В. Гусевым, М. Светловым, А. Сурковым, В. Лебедевым-Кумачом, С. Щипачевым, а затем в годы войны — М. Исаковским, К. Симоновым, С. Михалковым, Е. Долматовским.

Творческий опыт Утесова поучителен и в этом смысле: вкус исполнителя, его эстетическое чутье, умение отличить подлинную поэзию от подделки значат чрезвычайно много. Может быть, именно с этого и начинается становление са-

мого артиста, формирование его творческого облика. Где же, как не в настоящей поэзии, можно найти значительные темы, яркие образы, глубокие мысли и чувства? Коль скоро это происходит, поэзия передает свой эмоциональный заряд и композитору, вызывая соответствующий отклик. Так ведь бывало не однажды, когда у истоков рождения песни стоял исполнитель. Разумеется, это не единственный и не обязательный путь: артист может появиться и в конце цепи поэт — композитор — певец. Важно другое: по этой цепи должен идти ток. А произойдет это в том случае, если артист ее «замкнет».

В той дискуссии о массовой песне, которая ведется сейчас «Литературной газетой», уже было произнесено немало горьких слов и в адрес поэтов и композиторов, и в адрес редакторов и издателей, повинных в том, что к слушателю идут халтурные поделки, называемые их авторами песней. Меньше всего «досталось» кажется, исполнителям. А между тем, чтобы песня стала по-настоящему популярной, ее мало издать, напечатать. Песня должна прозвучать. Ее нужно слетать.

Что же можно сказать об исполнителях, способствующих распространению под именем песен пошлости, безвкусицы да и просто элементарной глупости и несурзисцы? Тут либо безнравственная попытка любой ценой прорваться в эфир или на эстраду — и значит, таким людям нечего делать в искусстве, — либо они просто-напросто эстетически глухи и, как говорится, не ведают, что творят. В этом случае их можно, разумеется, пожалеть, но к искусству, к поэзии, к музыке все это не имеет ровно никакого отношения.

Мы говорили о художественном вкусе Утесова, его требовательности к своему репертуару. Примечательно, что с течением времени эта требовательность растет так же, как и мастерство артиста. Испытываясь удивительное ощущение, когда одну за другой слушаешь довоенные песни Утесова. Кажется, что, оттачивая свое искусство, стремясь к выражению все более глубокого содержания, артист словно бы сознательно готовился к тем временам, когда от него потребовалась бы полная отдача всех сил, всего, чем он овладел как художник.

И эти времена наступили. Великую Отечественную войну Утесов встретил зрелым художником, во всеоружии своего мастерства. Гнев и ненависть к врагу, призыв бить его без пощады — как яростно звучит этот мотив в первых военных песнях Утесова, в незабываемой «Партизанской тихой»! Артист стремится поведать — именно поведать — о том необъятном горе, какое принесли фашисты на нашу землю, о великом испытании и великом мужестве народа. Героем его песен становится солдат, воин, в судьбе которого как бы воплощается судьба народа, долгий и тяжкий путь к победе — через горе, утраты, испытания — к победе. «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?», а затем знаменитый «Мишка-одесит», и песня о солдатской верности «Днем и ночью», и «Под звездами балканскими», и «Дорога на Берлин»...

Думаю, не ошибусь, если скажу, что по дороге на Берлин вместе с солдатами шли песни Утесова. И если артист сегодня как бы «вступает в спор», то не для того, конечно, чтобы сказать, что прежние песни были лучше, а для того, чтобы его опыт, его искания, его достижения стали достоянием нового поколения исполнителей. «Новые песни придумала жизнь, не надо, товарищ, о песне тужить», — сказал поэт. Да, не надо. Не надо тужить, но не стоит и забывать.

С. СМОЛЯНИЦКИЙ